

Анастасия Павловна никогда в жизни не просыпалась по будильнику, да, собственно, и будильника у неё никогда не было. С юности она всегда ощущала себя «жаворонком» и просыпаться, когда за окном ещё «темень кромешная», было для неё вполне привычным и естественным делом. С годами эта привычка только укоренилась, и для Анастасии Павловны было дикостью не то чтобы поваляться в постели до обеда, а просто понежиться под одеялом лишние полчаса. Сегодня она проснулась чуть раньше обычного и, вопреки выработавшейся с годами привычке, продолжала лежать на кровати, безлико созерцая едва различимый в темноте потолок спальни. Какое-то невнятное, едва уловимое чувство раздражения тербило её душу, не давая покоя неутомным мыслям.

«Николай! — неожиданная догадка, словно импульс электрического тока, пронзила её сознание. — Ну конечно же, Николай! Как же я могла забыть?»

Николай, который явился в воспоминаниях Анастасии Павловны в этот предрассветный час, был её покойным мужем, скоростижно ушедшим из жизни почти два года назад. А причиной её душевного раздражения стал обыкновенный сон, который неожиданно, в одно мгновение, всплыл в воображении Анастасии Павловны в мельчайших подробностях.

«Боже мой, — мысленно сокрушалась она, непроизвольно теребя край накрахмаленного пододеяльника, — а ведь он мне

в первый раз после смерти приснился. Неспроста, ой неспроста всё это», — принялась причитать Анастасия Павловна, пытаясь выстроить логическую цепочку взаимосвязи реального и потустороннего миров.

Николай приснился ей в джинсовой фирменной куртке, которую они по случаю приобрели когда-то в Калининграде, куда ездили отдыхать по профсоюзной путёвке. Широкая добродушная улыбка озаряла его молодое, ещё не тронутое морщинами лицо, прядь пшеничных волос непослушным вихром прикрывала широкий загорелый лоб.

«Хорошо приснился, — с душевным умиротворением подумала Анастасия Павловна. — Говорят, что они „там“ всегда молодые».

— Ну и слава Богу, — произнесла она вслух, машинально осенив себя крестным знамением.

Откинув край одеяла, Анастасия Павловна привычно сунула ступни ног в войлочные домашние тапочки, но подниматься с постели не спешила. Всё равно что-то продолжало тревожить её, что-то теребило душу, что-то мешало обрести душевное спокойствие.

«А ведь он хотел мне что-то сказать, — догадалась, наконец, Анастасия Павловна. — А может, и предостеречь от чего-то?»

Но, несмотря на все усилия, она так и не смогла вспомнить ни одного слова, произнесённого Николаем во сне.

«Ладно, — подумала Анастасия Павловна, — приснился и приснился, делов-то. Чего я так переполошилась?»

Выйдя на кухню, она плеснула в турку воды, зажгла газовую горелку, достала пачку молотого кофе и машинально, даже не задумываясь, крутанула ручку портативного радиоприёмника, стоявшего на подоконнике.

«Сегодня, в День всех влюблённых, — донёсся из динамика неестественно бодрый для столь раннего часа голос ведущего, — в нашем городе продолжает шириться запущенный через социальные сети флешмоб: „Признайся в любви своей девушке“. Скверы и парки покрылись...»

Анастасия Павловна повернула ручку радиоприёмника в обратную сторону, ведущий запнулся на полуслове.

«Совсем уже мозги атрофировались, — с раздражением думала она, заваривая кофе. — А без этого флешмоба что, уже девушке и в любви признаться нельзя?»

Впрочем, она понятия не имела, что означает этот самый флешмоб, её раздражала сама постановка вопроса: ну как можно

было соединить такое деликатное, такое трогательное, такое личное дело, как объяснение в любви, с каким-то флешмобом?

— Постой, — у Анастасии Павловны от неожиданной догадки чуть не выпала из рук турка. — А ведь он меня хотел с Днём влюблённых поздравить. Конечно, а что же ещё? — укрепились она в своём предположении. — Он же ни разу этот праздник не пропустил, он так и говорил: «Это мой профессиональный праздник, потому что я профессиональный влюблённый».

День святого Валентина в виде праздника всех влюблённых появился в их жизни с опозданием, когда они были уже немолодыми людьми. Не стариками, конечно, но ребячество со стороны мужа с дарением «валентинок», украшательством квартиры какими-то немислимыми сердечками, с неизменным тортом и букетом цветов она считала излишеством. Но ни безразличное отношение, ни даже презрение к этому празднику со стороны Анастасии Павловны не могли остановить мужа в его благородных порывах. Невзирая на обстоятельства, он год от года совершенствовался в своём стремлении поразить её каким-нибудь экзотическим способом любовного объяснения.

— Вот же зараза, — незло произнесла Анастасия Павловна, — вспомнил-таки.

Она снова попыталась понять, о чём Николай с ней говорил во сне, но было ощущение, что у её сна кто-то выключил звук.

«А ведь он меня любил, по-настоящему любил, — подумала она, наливая в чашку ароматный дымящийся кофе, — всю жизнь любил, а я...»

Даже сейчас, когда уже давно Николая не было в живых, Анастасия Павловна не могла однозначно ответить, любила ли она человека, с которым прожила без малого почти тридцать пять лет. Вот если бы её спросили об этом тридцать пять лет назад, она бы, не задумываясь, ответила, что любила другого, и у неё не было даже песчинки сомнения в том, что того, другого, она будет любить до скончания своих дней.

Сергей стал воплощением её тайных девичьих грёз. Если бы вдруг в её жизни появился, скажем, добрый волшебник, нет, скорее, добрая фея (женщина женщину всегда поймёт с полуслова), и если бы эта самая добрая фея предложила Насте закрыть глаза и нарисовать в воображении мужчину своей мечты для его последующей материализации, в Настинем воображении всё равно возник бы образ Сергея. Она даже представить, даже вообразить не могла никого лучше, красивее,

благороднее Сергея. Она не знала, да и знать не хотела, почему из всего многообразия окружавших его представительниц прекрасного пола Сергей остановил свой выбор именно на ней. Ведь ему достаточно было только пальчиком поманить (в этом Настя не сомневалась ни секунды), и любая посчитала бы за счастье лечь к его ногам. Но Сергей был благородным, он не мог обидеть девушку. Да о чём здесь говорить? Он был воплощением самого благородства, он весь состоял только из одних достоинств. «Честь, — говорил Сергей, — самое главное достояние человека, а честь девушки — это достояние вдвойне. И чтобы стать человеком, нужно смолоду хранить честь. Человек без чести и благородства сродни зверю, жизненными процессами которого управляют дикие, необузданные инстинкты».

И Настя хранила, как великое сокровище хранила свою честь, своё достоинство, свою безграничную любовь, и только ему, и никому другому, она готова была открыть драгоценные грани своей души. Для Насти Сергей был единственным мужчиной на всём белом свете. И ещё неизвестно, насколько ценны для него были хранимые Настей «сокровища», но ничего другого она, к сожалению, а может быть, и к счастью, ему предложить не могла.

В тот день мама только что вернулась с работы, она даже не успела разобрать сумки с покупками, как вдруг громкая пронзительная трель электрического звонка нарушила их домашнюю идиллию. Когда Сергей вошёл в комнату, Насте показалось, что все предметы вдруг неожиданно уменьшились в размерах. Высокий, широкоплечий, статный, он сразу заполнил всё пространство их малогабаритной квартиры. Интуитивно она поняла, что Сергей появился у них далеко не случайно, он пришёл с какой-то важной, судьбоносной миссией.

— Анна Николаевна, — заговорил он, нервно теребя в руках лохматую собачью шапку, — через неделю я уйду в армию, мне пришла повестка из военкомата, поэтому я прошу руки вашей дочери, мы с Настей любим друг друга.

— Как это? — Анна Николаевна от неожиданности непроизвольно опустилась на стул. — Мы же не успеем, за неделю-то.

— Да нет, — поспешил успокоить её Сергей, — свадьбу мы, если, конечно, всё будет нормально, сыграем после моего возвращения, но как честный, благородный человек я должен был поставить вас в известность о серьёзности своих намерений.

Настя стояла ни живая, ни мёртвая, казалось, что чувства, эмоции, ощущения оставили её; вернее, нет, одно ощущение всё же было. Было ощущение какого-то огромного, вселенского, необъятного, неземного счастья, которое в мгновение заполнило её всю без остатка до самых кончиков пальцев.

— Ну что, дочка, — Анна Николаевна, повернулась лицом к Насте, — ты согласна ждать его из армии?

Настя открыла было рот, но Анна Николаевна жестом остановила её:

— А ты не спеши, не спеши с ответом, дело серьёзное, подумай хорошенько, прежде чем отвечать.

Настя смотрела на маму вытаращенными, полными ужаса глазами. «Что значит — подумай?» — вертелось у неё в голове. Конечно, конечно же, она будет его ждать, будет ждать столько, сколько потребуется, хоть всю жизнь.

«Я буду ждать его», — попыталась произнести Настя, но голос неожиданно подвёл её, получилось какое-то невнятное, еле слышное мычание. Дикий ужас моментально овладел ею. Насте показалось, что Сергей, оскорблённый её отказом (невнятное мычание можно было истолковать как угодно), сейчас повернётся и навсегда исчезнет из её жизни.

— Я буду ждать его, мама!!! — заорала она во всю мощь, на которую были способны её лёгкие. — Я люблю его, мама!!!

Ждать Сергея из армии оказалось совсем простым делом. Настя просто жила своей обычной незамысловатой студенческой жизнью: ходила на лекции, сдавала зачёты, ездила «на картошку», пела в хоре при Дворце культуры. За ней пытались волочить пара-тройка институтских ухажёров, не без того, но все их поползновения Настя, конечно же, оставляла без внимания. «Подмётчики», — мысленно окрестила Настя ухажёров, потому что никто из них, по её глубокому убеждению, не годился Сергею даже в подмётки.

Сергей писал часто, почти каждую неделю Настя находила в почтовом ящике весточку от любимого. Письма его были правильными, содержательными, с выверенными, словно в «пятёрочном» школьном сочинении, фразами и предложениями. В конце каждого письма Сергей неизменно клялся ей в вечной любви, и это нравилось, безумно нравилось Насте, она была счастлива. Год пролетел незаметно. Очередное письмо, которое Настя достала из почтового ящика, оказалось на удивление коротким. «Дорогая Настенька, — писал Сергей, — за

отличные успехи в боевой и политической подготовке командование премировало меня краткосрочным отпуском на родину. Жди, любимая, скоро увидимся!»

Сердце приятно защемило, голова пошла кругом: неужели, неужели она снова увидит его? Неожиданно где-то там, в самой глубине души, шевельнулся страх: одно дело, когда они встречались каждый день, и совсем другое — встретиться после годичной разлуки. Но даже этот страх и этот трепет, который она невольно испытывала, представляя их будущую встречу, несли в себе приятные, позитивные ощущения. С этого дня письма перестали приходить вовсе.

«Ничего, ничего, — мысленно подбадривала себя Настя. — Какой смысл в этой писанине, если мы скоро и так друг с другом увидимся? Наоборот, — продолжала рассуждать она, — нужно посильнее соскучиться, чтобы потом долго-долго мы не могли наговориться».

Сергей появился неожиданно. В тот злопамятный день Настя вернулась домой с полпути за каким-то важным конспектом, который она впопыхах оставила дома. Не снимая верхней одежды и не разуваясь, она прошла в комнату, и именно в этот момент появился он. Сергей вошёл следом (Настя, очевидно, оставила дверь открытой) и молча застыл посреди дверного проёма. Она почувствовала, как жар окатил её с ног до головы, сердце в груди бешено застучало, в коленях образовалась мелкая дрожь, её внезапно настигло какое-то тревожное ощущение. Сергей стоял на том же самом месте, что и год назад, только теперь его плечи покрывало сукно шинели, а талию подпоясывал широкий солдатский ремень с начищенной до блеска бляхой. В руках он вертел серую цигейковую шапку с выпуклой блестящей кокардой.

— Настя, Настенька... — тихо произнёс он, не поднимая глаз. — Обстоятельства сложились таким образом, что я, как порядочный человек, должен жениться на другой...

Позже Анастасия Павловна не один раз пыталась вспомнить, что же с ней произошло сразу после того, как она услышала это известие. Но память отказывалась подчиняться, воспоминания заполнились серой, тягучей, бесформенной пустотой.

Очнувшись, Настя обнаружила себя сидящей на диване с поджатыми ногами, в зимнем пальто и сапогах. За окном уже горели ночные фонари, а рядом, положив руки ей на плечи, сидела мама.

— Ничего, ничего, дочка, — шептала она, осторожно глядя Настю по волосам, — всё перемелется, всё образуется. Если честно, он мне никогда не нравился.

— Да при чём здесь ты?! — вскочив с места, Настя неожиданно сорвалась на крик. — Он лучший!!! Понимаешь?! Он самый лучший!!! Я люблю его, мама!!!

Слёзы разом хлынули из её глаз. Оставаться дома не было сил, стены, потолок, вся обстановка давили сейчас на неё невыносимо тяжёлым грузом. Не раздумывая, Настя выбежала на улицу. Она куда-то стремительно бежала, смешно балансируя на скользком, обледенелом тротуаре. Хлопья мокрого снега залепляли глаза, холодный пронзительный ветер трепал выбившиеся из-под платка волосы. Она не помнила, как оказалась возле кинотеатра, как купила входной билет, она даже не посмотрела на афишу. Настя испытывала непреодолимое желание отделиться от окружающего мира, побыть одной, разобраться в собственных чувствах и попытаться, попытаться понять, как же теперь ей жить дальше. Но фильм захватил её с первой минуты, она не могла оторвать глаз от экрана.

— Это же про меня, она такая же, как я, — шептала Настя, сопереживая событиям разыгравшейся на экране драмы.

Это был знаменитый фильм Эльдара Рязанова «Жестокый романс», снятый режиссёром по мотивам пьесы Алексея Островского «Бесприданница».

— Так не доставайся же ты никому... так не доставайся же ты никому... — снова и снова шептала Настя, прокручивая в голове коварный план мести.

Из кинотеатра она вышла совершенно другой — решительной, целеустремлённой, точно знающей, что ей делать и как жить дальше. Чувство мести, непреодолимое, всепоглощающее чувство мести правило сейчас шабаш в её душе. Ей абсолютно было безразлично, что будет потом, главное — отомстить сейчас, главное — сделать так, чтобы он понял, какую роковую ошибку совершил, чтобы он мучился, страдал, рыдал горючими слезами от невозможности изменить свершившееся.

Настя, по примеру главной героини фильма Ларисы Огудаловой, которая от безысходности дала согласие на брак с ненавистным Карандышевым, тоже решила выйти замуж за первого встречного. И пусть этот «первый встречный» окажется мерзким типом, глупым, никчёмным — это не важно. Здесь,

как говорится, «чем хуже, чем лучше». Главное — чтобы он, Сергей, понял, какую жертву положила она на алтарь растоптанной им любви.

Возле самого подъезда Настю кто-то негромко окликнул. Обернувшись, она увидела Николая, своего давнего тайного почитателя, Николай жил в соседнем доме и был влюблён в неё ещё с детсадовского возраста. Шансов на взаимность у него, конечно же, не было, но это раньше, а сейчас... «Свершилось», — подумала Настя.

Взяв Николая за рукав куртки, она решительно произнесла:

— Пошли.

— Куда? — растерянно спросил Николай.

— Там узнаешь.

Поставив «жениха» посреди комнаты, Настя, отступив на несколько шагов, принялась с интересом рассматривать будущего претендента на её руку и сердце, как бы оценивая правильность своего выбора, и только потом торжественно объявила, обращаясь к Анне Николаевне:

— Мама! Я выхожу замуж за этого человека!

— Да?! — удивилась Анна Николаевна. — А человек-то в курсе, что он на тебе женится? Ты у него согласие спросить не забыла?

Закономерный, казалось бы, в подобной ситуации вопрос застал Настю врасплох. Увлечённая планом отмщения, она как-то забыла поинтересоваться мнением Николая по поводу предстоящей женитьбы.

— Ты согласен стать моим мужем? — в лоб спросила она.

— Да, — еле слышно произнёс Николай.

До него постепенно стал доходить смысл происходящего.

— Да! Да! — повторил он более уверенно. — Анна Николаевна, я прошу руки вашей дочери.

— Да тебе же в армию идти в этом году, — возразила Анна Николаевна. — Какой из тебя жених?

— Да мне ещё не скоро, — ответил Николай, — у нас ещё целый месяц в запасе.

— Интересно у вас всё как-то получается, — Анна Николаевна слегка покачала головой. — А когда же свадьба?

— Через неделю! — решительно заявила Настя.

— Да кто же вас через неделю-то распишет? — снова возразила Анна Николаевна. — В загсе заявление целый месяц рассматривают.

— Или мы поженимся через неделю, — Настя, в упор глядя на Николая, чеканила каждое слово, — или не поженимся никогда. Это моё неперемнное условие.

Их расписали ровно через неделю, день в день. Настя не знала, как Николаю удалось уговорить работников загса; впрочем, это не имело уже никакого значения. Что было потом, Настя помнила смутно. Бесконечные застолья с многочисленными родственниками Николая незаметно переросли в проводы жениха в армию. Военком даже слышать не пожелал об отсрочке, забрав его прямо в свадебном костюме из объятий молодой жены. Николая на долгие три года отправили служить аж на Тихоокеанский флот, не то на подводную лодку, не то на какую-то секретную военную базу. В один миг стихли праздничные застолья, и Настя снова осталась наедине со своими мыслями в своей квартире, но уже совершенно в ином качестве.

Письмо от Сергея пришло через месяц. Он писал, что по-прежнему любит её. Просил прощения за минутную слабость, за «затмение», нашедшее на него. Сокрушался о том, что был подло и цинично обманут, что он готов принять любое, самое жестокое наказание, лишь бы она, «единственная, неповторимая и любимая», была рядом с ним. Настя проплакала всю ночь, а утром разорвала письмо на мелкие клочки: что-то менять было уже поздно.

Сергей появился, когда Владика шёл уже третий месяц. Подавленный и какой-то неуклюжий, как показалось Насте, он сидел напротив неё на шаткой кухонной табуретке, не решаясь оторвать глаз от пола. Он предлагал «перевернуть страницу» в их отношениях, уехать куда-нибудь далеко-далеко, где их никто не знает. Обещал носить её на руках, обещал сделать её самой счастливой женщиной на свете, обещал усыновить Владика. И каялся, каялся за своё малодушие, за то, что поддался обстоятельствам, за то, что не смог вовремя разобраться в ситуации.

Сказать, что Настя не испытывала к нему никаких чувств, было бы неправдой. Она понимала, что Сергей её не обманывает, что, скорее всего, будет именно так, как он и говорит, и где-то в глубине души она ещё продолжала любить его. Но дело было вовсе не в нём, просто в её жизни появился третий «мужчина», и к этому третьему она испытывала любовь иного свойства. Ради этого «мужчины» она готова была пожертвовать многим, да что там многим — она готова была отдать жизнь ради него. И это новое, неведомое ранее чувство любви поглотило её всю

без остатка, подчинило её жизнь иным законам, иным правилам. И пусть этот «мужчина» пока лежал в люльке, но с момента своего появления на свет он раз и навсегда превратился в самого главного и самого любимого человека в её жизни.

— Уходи, — тихо произнесла Настя.

— Что? — переспросил Сергей.

— Уходи, — снова повторила она, — мне нужно покормить сына.

Больше она Сергея никогда в своей жизни не видела.

Николай, как и положено, вернулся домой через три года.

Настя со страхом ожидала этой встречи.

«Как оно всё сложится? Как его примет Владюша? Всё-таки три года — это очень большой срок», — думала она.

Николай вошёл в её жизнь просто, спокойно и совершенно ненавязчиво. Владик сразу и безоговорочно признал в нём отца, и это для Насти стало главным связующим звеном их взаимоотношений. Ей порой казалось, что никакого Сергея и вовсе никогда не было, что это всего лишь плод её фантазий, вымысел, нелепая фантазмагория. Она искренне была благодарна Николаю за понимание, за отзывчивость, но в первую очередь, конечно, за сына. Так они и прожили почти тридцать пять лет — в полной гармонии и согласии.

«Господи, — подумала Анастасия Павловна, очнувшись от воспоминаний, — это так и на работу опоздать можно».

После окончания института она получила распределение в детское дошкольное учреждение на должность воспитателя, так всю жизнь она воспитателем и проработала. Справедливости ради следует отметить, что ей не один раз предлагали повышение по службе, но карьерный рост не прельщал Анастасию Павловну, она любила детей, любила свою работу, и дети отвечали ей взаимностью.

«От добра добра не ищут, — часто думала она, наблюдая за копошащейся малышкой. — Зачем мне все эти должности, кабинеты? Суета, да и только. Здесь-то я на своём месте, а как там сложится — Бог его знает».

Единственным, пожалуй, неудобством была отдалённость её нынешнего места работы от места проживания. Но это неудобство Анастасия Павловна легко превратила в неоспоримое преимущество. Конечная остановка трамвая находилась совсем рядом с её домом. Анастасия Павловна обычно занимала место в углу салона

у окна и не спеша, под мерное покачивание вагона, с удовольствием погружалась в мир своих мыслей, грёз и воспоминаний.

Вагон стоял на конечной остановке с широко распахнутыми раздвижными дверями. Анастасия Павловна едва успела сесть на своё излюбленное место, как появилась вагоновожатая в сопровождении грузной кондукторши с неизменной, перекинутой через плечо, дерматиновой сумкой. Взобравшись на высокое боковое сиденье, кондукторша принялась придирчиво разглядывать ранних пассажиров. Под металлическим полом вагона что-то затарахтело, задребезжало, огромные раздвижные двери с неприятным скрежетом поползли вдоль внешних стен вагона.

— Маша! — громко крикнула кондукторша. — Заднюю не закрывай, там пассажир бежит.

Через мгновение в салон влетел запыхавшийся «пассажир», который, судя по всему, был учеником старших классов. Через его плечо была перекинута спортивная сумка с учебниками, из бокового кармана которой торчал баллончик с аэрозольной краской. Анастасия Павловна посмотрела на ученика с презрением. Это был один из тех типов, которые, по её мнению, малевали каракули на стенах домов.

«Заставить тебя хоть один фасад перекрасить, — размышляла она, наблюдая за учеником, — враз бы охота пропала гадости людям делать».

Отвернувшись к окну, Анастасия Павловна вновь предалась воспоминаниям и как-то незаметно задремала (дало о себе знать раннее пробуждение). Ей опять приснился Николай, в том же самом виде, как и сегодня ночью, но теперь она отчётливо слышала его голос.

«Выйди на две остановки раньше», — говорил Николай.

«Что? Что ты сказал? — переспрашивала его во сне Анастасия Павловна. — Не понимаю, повтори».

«Выйди на две остановки раньше, — снова повторил Николай и, чуть помедлив, добавил: — Только по сторонам не смотри».

Анастасия Павловна очнулась от резкого толчка.

— Куда?! Куда ты прёшь?! — орала кондукторша, грозя кому-то кулаком в запотевшее окно. — Ты посмотри на него! — повернулась она, ища поддержки у пассажиров. — Перегородил дорогу — и хоть бы хны.

Однако Анастасию Павловну меньше всего интересовали сейчас дорожные происшествия, она находилась под впечатлением увиденного во сне.

«С какой такой стати я должна выходить на две остановки раньше? — рассуждала она. — Да мало ли что человеку может присниться? И потом, если я выйду раньше, то наверняка опоздаю на работу, а кто тогда детей примет? Нет, нет, — убеждала она себя, — всё это как-то несерьёзно, ребячество какое-то».

Анастасия Павловна попыталась вспомнить, что же там было расположено, за две остановки до её работы. Это был обычный пустырь, когда-то именно в этом месте проходила граница города. Но границы постепенно расширялись, подрастали новостройки, и пустырь превратился в некое подобие парка; позже там расставили скамейки, посыпали гравием дорожки, провели освещение.

«По-моему, эта остановка так и называется — „Парковая“», — вспомнила Анастасия Павловна.

Именно в этот момент она услышала голос кондукторши:
— Кто там просил предупредить? «Парковая», выходите!

Ученик, расположившийся на впереди стоящем сиденье, вскочил с места и стремглав выскочил в открытую дверь. Анастасия Павловна, влекомая неведомой силой, последовала за ним. За её спиной со скрежетом закрылась раздвижная дверь, трамвай с утробным рычанием двинулся дальше.

Если бы Анастасия Павловна могла хотя бы отдалённо предположить, что с ней случится этим ранним зимним утром, она обязательно бы запаслась корвалолом. Было ощущение, что её сердце кто-то крепко-крепко зажал в тёплых ладонях, и оно теперь беспомощно трепыхалось, как раненая птица, заключённая в клетку. Неожиданно перестало хватать воздуха, глаза ослепили внезапно выступившие слёзы.

— Как это? Как это? — бездумно повторяла она. — Этого не может быть.

Её сознание, да и просто здравый смысл не в состоянии были совместить то, что она видела сейчас перед собою, с реальной действительностью. На белом полотне свежевыпавшего снега алой краской было написано: «НАСТЯ, Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!»

Анастасия Павловна не помнила, сколько времени она простояла вот так, в каком-то отстранённом оцепенении, пока, наконец, постепенно не восстановилось дыхание и мысли не перестали роиться в голове.

«А почему он запретил мне смотреть по сторонам?» — подумала она и тут же осмотрелась вокруг.

Весь пригорок пестрел разноцветными объяснениями в любви Катям, Олям, Светам, Наташам. Но это она увидела

только сейчас, а выйдя из трамвая, Анастасия Павловна уткнулась взглядом в объяснение, адресованное именно ей — Насте. Из-за чахлого кустарника, росшего на вершине пригорка, появился ученик, там ещё оставалось свободное от надписей место. Тряхнув несколько раз баллончиком с краской, он принялся старательно выводить буквы. «Настя, — написал ученик, затем ещё раз встряхнул баллончик и добавил: — я тебя люблю». Внизу он изобразил пронзённое стрелой сердце и только после этого отошёл на несколько шагов, чтобы полюбоваться своей работой. Заметив, что кто-то опередил его и «Настя» уже получила своё признание, ученик решил дописать ещё одну букву, получилось: «Настя К., я тебя люблю!»

У Анастасии Павловны отлегло от сердца: теперь уж точно та, вторая, «Настя К.» не перепутает признание в любви с тем, которое было адресовано ей.

— Ах ты ж, охальник! — услышала она громкий окрик. — Ты что там безобразничаешь?! Вот я тебе сейчас уши-то надеру!

Ученик предпочёл не обострять ситуацию и моментально скрылся в кустах.

Обернувшись, Анастасия Павловна увидела облачённую в светоотражающий оранжевый жилет дворничиху с огромной снегоуборочной лопатой в руках.

— Паразиты! — не унималась дворничиха. — Совсем уже из ума повыживали со своими флешмобами.

— А при чём здесь флешмоб? — растерянно спросила Анастасия Павловна.

— Как при чём? — удивилась дворничиха. — Какой-то умник через Интернет предложил объяснения в любви на снегу писать. Им-то забава, а что мне с этим безобразием делать прикажете? Поймала бы я этого умника — ноги бы повыдирала.

— Не получится, — со вздохом произнесла Анастасия Павловна.

— Это почему же?

— Потому что он умер.

— Когда? — с искренним сочувствием поинтересовалась дворничиха.

— Да почти как два года уже, — еле слышно прошептала Анастасия Павловна и, не в силах больше сдерживаться, заревела навзрыд.